

Господин Гоголь сказал мне... Римские сонеты Джузеппе Джоакино Белли

В Интернете, где, как уверяют, можно найти все (моя практика, к сожалению, это оптимистическое утверждение нередко опровергает), Джузеппе Джоакино Белли (1791-1863) занимает значительно более скромное место, чем его однофамильцы и однофамилицы, юридический термин "казус белли" и фильм того же названия, одноименная технология наращивания волос ("Белли капели"), не говоря уже о белли-дэнсе или дансе (танце белли). Спускаешься ступенька за ступенькой по лестнице файлов, и становится обидно за поэта, высоко оцененного Гоголем, когда об авторе сонетов, написанных на римском диалекте, еще не знали ни в одной из тех стран, где мода на Италию утвердилась задолго до Байрона, Гете, Стендаля. "Господин Гоголь, — вспоминал знаменитый французский критик и поэт Шарль Огюстен де Сент-Бёв, — сказал мне, что нашел в Риме истинного поэта, поэта народного, по имени Белли, который пишет сонеты на трансверинском наречии — сонеты, следующие один за другим и образующие поэму. Он говорил мне подробно и убедительно о своеобразии и значительности таланта этого Белли, который остался совершенно неизвестен нашим путешественникам". Своей "находкой" Гоголь поделился с Сент-Бевом летом 1839 года на пароходе, плывшем из Чивитавеккии в Марсель, а весной года предыдущего в письме из Рима Марии Петровне Балабиной он спрашивал свою бывшую ученицу: "Знакомы ли были вы с трансверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые так горды своим римским происхождением?". И продолжал: "...вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Belli, которые, впрочем, нужно слышать, когда он сам читает. В них, в этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних трансверян, что вы будете смеяться, и это тяжелое облако, которое налетает часто на вашу голову, слетит прочь вместе с докучливой и несносной вашей головной болью. Они писаны in Lingua romanesca¹, они не напечатаны, но я вам их после пришлю".

Слышать чтение Белли Гоголь мог в салоне Зинаиды Волконской, где бывали, приезжая в Рим, Мицкевич, Жуковский, Вяземский и многие другие знаменитости (одно время Белли жил в том же доме, palazzo По-

¹ Римское наречие (итал.)

ли, торец которого стал в свое время задником фонтана Треви, одной из главных достопримечательностей Вечного города). Безошибочность впечатления Гоголя от авторского чтения сонетов подтверждается свидетельством итальянца Доменико Ньюли, первого биографа поэта: Белли редко случалось "уйти из гостей, не прочитав что-нибудь из своих римских сонетов, и он <...> выбирал обычно наиболее невинные среди тех, какие помнил наизусть. Надобно сказать, что его сонеты, которые он читал негромко, с чистейшим транствеверинским выговором, с самыми разнообразными оттенками и тончайшими модуляциями голоса, выразительно поднимая и опуская брови, приобретали яркость, неповторимую при чтении глазами или постороннем чтении вслух".

Джузеппе Франческо Антонио Мария Джоакино Раймондо (под таким именем его крестили 12 сентября 1791 года в римской базилике Сан-Лоренцо ин Дамаско) Белли пишет первые стихи в четырнадцать лет (октавы на литературном итальянском языке о сельской жизни и — также по-итальянски — сонет "На могиле монарха"). В 1811 году его принимают в Академию эллинов, в которой он со своими гладкими итальянскими стихами, свидетельствующими об основательной поэтической культуре, не выделяется на общем фоне: талант решительно заявит о себе позже, в тридцатых годах, когда коллективным героем поэта станет римское простонародье. В 1837 году, то есть к тому времени, как с ним мог познакомиться Гоголь, были написаны уже 1950 из 2279 сонетов на диалекте. С самого начала римские сонеты выделялись автору будущей книгой, на что указывает его "Предуведомление", в окончательном варианте сложившееся в 1831 году. "Я решил оставить памятник тому, что представляет собой сегодня римское простонародье", — этими словами открывается "Предуведомление", содержащее, в частности, подробные правила произношения отдельных слов и звуков, характерных для речи "транствеверян". Поэт-филолог, Белли с высочайшей степенью правдоподобия зарифмовывает речи, "подслушанные" на улице и в трактире, в церкви и в доме бедняка, богача, прелата, на кладбище и за "особенной дверцей", через которую к папе проходят с докладом шпионы. "Я" в римских сонетах — это "я" их героев, слуг и служанок, мастеровых, кучеров, могильщиков, поваров, половых в трактириях, лавочников и покупателей, солдат и блудниц, сплетниц и сплетников, обращающихся к себе подобным или рассказывающих о себе подобных. Что ни сонет, то сценка, театр, чаще всего — одного актера. Поэт решительно отвергает обвинение в том, что он скрывается "лицемерно под маской простолую-

дина", чтобы "наделить его *своими* сентенциями и *своими* принципами". Он его пародирует.

Рим Белли — это столица теократического, "стоячего", по определению Гоголя, государства, где не только духовная, но и светская власть принадлежала папе, и антиклерикализм поэта следует, прежде всего, расценивать как бунт против тоталитарного государства церкви, против ее засилья. То, что герои Белли уделяют много внимания представителям духовенства, не случайно: приблизительно на 165 тысяч римлян приходилось в ту пору 49 епископов, 2968 священников, 1500 монахинь, 3110 монахов. А кардиналы? А папа? Кстати, на годы жизни Белли пришлось шесть пап, и нет ничего удивительного в том, что в словаре римских сонетов слово "папа" занимает по частоте употребления второе место.

Если итальянские стихи Белли благополучно издавались, его римские сонеты ходили в списках или смачно декламировались их же героями, включая лиц духовного сословия: при жизни Белли с ведома автора был опубликован всего один сонет и около двух десятков напечатали без его разрешения в искаженном виде² (не говоря уже о том, что за его стихи нередко выдавались вирши, ему не принадлежавшие). Поэт с болезненной придирчивостью относился не только к каждому слову, вышедшему из-под пера самозванных переписчиков или увидевших свет по воле недобросовестных издателей, но и к чужому чтению вслух его сонетов. Может быть, и по этой причине, а не только из нежелания иметь дело с цензурой, он 19 августа 1837 года, составляя "распоряжения" на случай смерти от пришедшей на берега Тибра холеры, пятнадцатым пунктом указал: "У синьора Доменико Бьяджини находится ларец, полный моих рукописей. Их надлежит сжечь". Это волеизъявление могло бы показаться случайной прихотью или, хуже того, кокетством, если бы оно не занимало место среди такого рода предписаний: "13. Некому Карлино Пьери, башмачнику, который одно время держал лавку на виа делла Кроче, супротив палаццо Понятовский, нужно будет отдать один скудо, цену пары башмаков, каковую, мне помнится, я ему не заплатил".

На то, что Белли недооценивал возможностей "самиздата", указывает не только пример Гоголя: когда знаменитому итальянскому революционеру Джузеппе Мадзини в Лондоне, где он жил в эмиграции, попал на глаза

² В письме составителю подарочного альманаха на 1885 г. Белли возмущается: "...вы решили, будто сделали доброе дело, напечатав без моего ведома на с. 105 несколько моих стихотворений на народном наречии и указав, что они не изданы. <...> Никто никогда не просил у меня эти стихи: никому никогда я их не давал; и более того, могу прямо заявить, что я никогда их не писал, настолько они исковерканы в вашей книге..."

сонет "Собачья жизнь", он поспешил собственноручно переписать его и отправить единомышленникам в... Италию.

Знакомство Гоголя с сонетами Белли должно было произойти в пору увлеченной работы над "Мертвыми душами". Гоголь влюблен в Рим, и понять, чем дышит современный Вечный город ему, в частности, помогают вдохновители "памятника римскому простонародью", которым вскоре суждено украсить повесть "Аннунциата", впоследствии напечатанную под названием "Рим". "Существователей он находит и здесь, — отметит век спустя В. Гишпиус, автор книги "Гоголь", — но рисует их юмористически, хотя и безобидными чертами — аббат, любитель покусать; итальянские синьоры, любительницы посплетничать; наконец Пеппе, мечтающий разбогатеть, — все это отклики как прежних типов Гоголя, так и одновременно создававшихся Собакевича, губернских дам, Чичикова". Гоголь описывает Рим так же прилежно, как губернский город NN в "Мертвых душах", приглашая читателей заглянуть "в одну из тех отдаленных улиц, <...> где со всех сторон несутся речи и переговоры. Тут все откровенно, и проходящий может совершенно знать все домашние тайны; даже мать с дочерью разговаривают не иначе между собою, как высунув обе свои головы на улицу. <...> Едва только блеснет утро, как открывает окно и высовывается сьора Сусанна, потом из другого выказывается сьора Грация, надевая юбку. Потом открывает окно сьора Нанна. Потом вылезает сьора Лучия, расчесывая гребнем косу; наконец сьора Чечилия высовывает руку из окна, чтобы достать белье на протянутой веревке. <...> Тут все живо, все кипит: летит из окна башмак с ноги в шалуна сына или в козла, который, подошед к корзине, где поставлен годовой ребенок, принялся его нюхать и, наклоня голову, готовился ему объяснить, что такое значат рога. Тут ничего не было не известного: все известно. Синиоры все знали, что ни есть: какой сьора Джюдита купила платок, у кого будет рыба за обедом, кто любовник у Барбаручьи, какой капуцин лучше исповедует".

В июле 1838 года известная актриса Амалия Беттини писала Белли: "И когда же Вы решитесь порадовать своими стихами всю Италию? Почему Вы не соберете их в книгу? Только не говорите мне, будто многие сонеты запретят печатать: их и после этого останется достаточно для того, чтобы доставить удовольствие всей Италии".

Выбирая сонеты Белли для этой публикации, переводчик взял на себя смелость включить в их число и толику тех *многих*, которые имела в виду итальянская актриса.

Москва